

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.161.1

ИЗУЧЕНИЕ ЭМОТИВНОСТИ В АСПЕКТЕ РКИ

Дроздова С. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: stellad@rambler.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы выражения эмоций в языке, обсуждаются проблемы взаимосвязи речевой и неречевой деятельности, эмоций, языка и мышления в процессе обучения РКИ. Обосновывается необходимость тщательного отбора художественных текстов для изучения в иностранной аудитории, исследования эмоциональных характеристик автора и героев художественного произведения, что находит отражение в формировании предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий для иностранных обучающихся. Все это в итоге позволяет выстраивать модели взаимовосприятия наций, что является, по сути, одной из целей изучения любого иностранного языка. Эмоции как регулятор поведения и деятельности человека репрезентируются в языке, тем самым формируя так называемую «эмоциональную языковую картину мира», которая представляет собой лишь часть «концептуальной эмоциональной картины мира». Непосредственно процесс оценивания эмоциональной информации, связанной с мыслительной деятельностью человека, реализуется посредством выявления экспрессивных маркеров эмоций, отражающих авторскую, читательскую и персонажную эмотивность. В статье предлагается рассмотрение эмоциональности как когнитивной составляющей художественного текста на материале рассказа А. П. Чехова «Орден».

Ключевые слова: эмоциональные наслоения, экспрессивные маркеры эмоций, эмотивность, словесное/несловесное выражение, эмоциональная концептосфера.

ВВЕДЕНИЕ

Обучение русскому языку иностранных обучающихся на основе оригинального художественного текста представляется весьма актуальной проблемой, поскольку «национальные литературы способны не только защищать и корректировать имидж своего этноса в восприятии прочих народов, но и создавать рациональные модели взаимовосприятия и сосуществования наций» [цит. по: 7, с. 10]. Следовательно, тщательно отбирая художественные произведения в качестве учебного материала для преподавания РКИ, методисты самым непосредственным образом оказывают влияние на формирование представления о русской нации, культуре, русской

языковой картине мира и мира эмоций, в частности, то есть, в принципе, можно говорить о том, что личностные эмоциональные характеристики автора/героя художественного произведения так или иначе определяют особенности восприятия «своего» и «не-своего» мира у иностранных обучающихся. Задачами данной статьи является рассмотрение эмоциональности как когнитивной составляющей, взаимосвязанной с языковой и мыслительной деятельностью, и исследование художественного текста в процессе обучения РКИ в данном аспекте.

В зависимости от предполагаемых задач в статье использованы следующие общепсихологические и частные методы: для изучения языковой единицы в контексте применялся метод контекстологического анализа текста; для рассмотрения слов в их образной перспективе при учете всех контекстуальных средств, позволяющих поддержать ассоциативно-смысловое содержание языковой единицы, которая является объектом анализа, применялся метод слово-образ в исследовании текста.

Эмоции занимают в жизни человека безусловное, лидирующее место. Человек входит в эту жизнь с первым эмоциональным криком и заканчивает ее, как правило, с явными или скрывающимися эмоциями. Эти «точки отсчета» человеческой жизни как эмоциональные «вершины» рано или поздно найдут свою расшифровку, равно как показатели состояния человека в эти кульминационные моменты считаются медицинскими приборами.

Цель предлагаемой статьи – рассмотрение взаимодействия процессов мышления, словесной речи, языка тела и их отражения в эмоциях; исследования, относящиеся к антропоцентрической и когнитивной парадигме, подтверждают, что речь человека, репрезентируемая единицами любого языка, представляет собой лишь небольшую часть всего «мыслительного массива». Это же можно сказать и об эмоциях.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмоции как регулятор поведения и деятельности человека всегда вызывали интерес ученых разных направлений наук, в последнее время, помимо

лингвистических, появились и междисциплинарные исследования (В. И. Шаховского, С. Ю. Перфильевой, Мягковой Е. Ю., Д. А. Романова, Лазариди М. Н. и пр.). Это, в определенной степени, может объясняться тем, что современная лингвистика для получения результата требует интегративного подхода, позволяющего объединить порой несовпадающие факты и оценить их.

В настоящее время в современной лингвистике при изучении взаимоотношений языка, сознания и мышления используются понятия – языковая картина мира, концептуальная картина мира и концептосфера, находящиеся в определенных взаимоотношениях между собой. Как отмечается в научной литературе, языковая картина мира репрезентирует ту часть концептуальной картины мира (иными словами, отражение окружающей действительности в мышлении человека), которая реализуется посредством языковых единиц. Однако стоит помнить о том, что концептуальная картина мира намного богаче языковой, поскольку не все поддается вербальной репрезентации.

По аналогии с термином «эмоциональная языковая картина мира», предложенным Н. А. Красавским, можно предположить, что существует концептуальная эмоциональная картина мира, поскольку концепты являются универсальными хранителями информации, эмоций, чувств, следовательно, любые эмоции, получившие вербализацию, функционируют в языке, взаимодействуют друг с другом и формируют концепты иного рода – эмоциональные. Их особенность заключается в оценочном, более чувственном, субъективном восприятии, в отличие от универсальных. Как отмечают исследователи (Шаховский В. И., Красавский Н. А., Погосова К. О. и пр.), для эмоциональной концептосферы свойственна этноспецифичность, так как эмоционально-оценочная лексика отражает опыт, традиции, культуру носителей разных этнокультур.

Эмоциональная концептосфера репрезентирует наши чувства, эмоции более расплывчато, в отличие от универсальных концептов, вербализующихся в языке. Так, А Кемпински отмечает, что «...когда приходится давать определение таких понятий, как, например, страх, ужас, боязнь, тревога и т. п., то, несмотря на то, что, как правило, можно чувствовать правильность или неправильность употребления

термина, дать его точное определение не удастся. Впрочем, обычно так бывает всегда, когда речь идет о понятиях, касающихся наиболее личных переживаний. Их можно чувствовать, но трудно определять. Собственный мир, в противоположность миру окружающему, как бы ускользает от попыток классификации и интеллектуальной манипуляции» [цит. по: 5, с. 2].

Эмотивная компетенция, в определенном смысле предполагающая наличие знаний лингвокультурных кодов эмоционального общения, неких общих эмоциональных доминант, образующих, по сути, эмоциональные концепты, а также владение средствами номинации эмоций, соответственно подразумевает формирование у человека концептуальной эмоциональной картины мира, не всегда реализуемой посредством языка и речи. Таким образом, можно утверждать, что одной из стратегических целей обучения иностранному языку, в частности русскому, оказывается формирование иноязычной коммуникативной компетенции, предполагающей владение средствами изучаемого языка (языковая компетенция), знание страноведческой и социокультурной информации (социокультурная компетенция), привитие навыков и умений выхода из неожиданной ситуации при недостатке языковых средств (компенсаторная компетенция), а также понимание и правильное восприятие эмоций носителей другой культуры и языка (эмотивная компетенция).

Как утверждает П. Жане, эмоциональная ситуация в целом предполагает наличие речевых и неречевых факторов действий всех участников общения, что можно объяснить их тем или иным эмоциональным состоянием. Таким образом, эмоция, по сути, представляет собой реакцию личности и организма в целом, это своеобразный отклик на определенную ситуацию, то есть поведение [4].

Кроме того, существует и точка зрения, согласно которой все скрытые переживания человека можно рассматривать как чувства, а чувства, имеющие явную, выраженную внешне природу, понимаются как эмоции. В нашем исследовании данное разграничение не является целью, для нас важно проследить, как многосторонние связи процессов мышления и речи словесной (вербальной) и

несловесной (языка тела) находят отражение в эмоциональной составляющей мышления и ее языковой/неязыковой реализации.

В связи с этим следует рассмотреть методические приемы работы с русской эмотивной лексикой, а также с паравербальными средствами выражения эмотивности в иноязычной аудитории.

Поскольку одним из принципов обучения эмотивной лексике можно считать принцип положительного эмоционального фона обучения, следовательно, намеренное использование различных эмоциональных ситуаций при работе с новой иноязычной эмотивной лексикой (предтекстовая работа) оказывается важным методическим приемом в обучении.

Вторым, не менее важным, принципом, который направлен на эффективное овладение языковыми единицами, вербализующими эмоции, является так называемый принцип понимания всей концептосферы эмоций носителей определенного языка и культуры, под ней понимается «совокупность эмоциональных концептов» [6, с. 6]. Изучение иностранными обучающимися средств-репрезентантов эмоций позволяет снизить возможные затруднения в межкультурном общении, поскольку намеренное формирование эмотивной компетенции способствует дальнейшему развитию эмпатии в ситуациях речевого взаимодействия. Это может достигаться посредством целенаправленного обучения лексическим единицам (содержащим в семантической структуре эмотивный компонент), интонационным средствам, способствующим передаче основных эмоций, а также видам темпа речи.

Паравербальные средства общения позволяют не только реализовывать намерения говорящего, но и осознанно /неосознанно вызывать у собеседника те или иные эмоции, поскольку то, как именно подается информация посредством голоса, иногда оказывается важнее ее содержания. Поскольку паравербальная коммуникация опирается на тональные и тембровые характеристики языка, для достижения эффективности межкультурного общения необходимо обучать иностранных слушателей паравербальным средствам в том числе.

Возвращаясь к собственно лексической репрезентации языковой эмоциональной картины мира, следует отметить, что первоначально она была представлена

В. И. Шаховским, который, помимо описания процессов изъятия и оценивания эмоциональной информации, заложил основы комплексной характеристики эмоции, находящейся в тесной связи с мыслительной деятельностью человека. Безусловно, морфологический и синтаксический уровни языка также позволяют фиксировать чувства и эмоции человека; исследователи отмечают, что наиболее частотны в этом отношении субстантивы и адъективы, характеризующиеся яркой «метафорической подвижностью и семантической емкостью» [2], особенно в художественных текстах. Интересной, на наш взгляд, является точка зрения А. Вежбицкой, связывающей использование русских безличных конструкций, репрезентирующих чувства и эмоции, с фатализмом, который свойственен для носителей русского языка [3]. Данные лингвистические аспекты еще раз подтверждают методическую целесообразность обучения иностранных студентов пониманию «языка» эмоций, выраженных словесно и несловесно (например, на основе русских художественных текстов) для повышения уровня знания изучаемого языка в целом.

Сегодня в российской лингвистике эмотиология как дисциплина, возникшая на стыке психологии и языкознания, исследует связь эмоций и языка. При использовании термина «язык» нами понимается не только кодирование информации любыми графическими знаками, но и невербальный язык тела, так или иначе выражающий эмоции, то есть вторичные языковые знаки.

Таким образом, при анализе эмоционального в художественном тексте, отмечается тесная взаимосвязь эмоций и языка. Для преподавателя РКИ при изучении художественного текста в иностранной аудитории интерес представляет выявление тех языковых средств, которые, с одной стороны, выражают эмоции адресанта и, с другой - воздействуют на адресата (это так называемые «эмоциональные наслоения» [12], «эмотивные значения» [7], «категории эмотивности» [11] и др.

Эмоциональность как категорию связывают с понятием «оценочность», что, безусловно, позволяет шире раскрыть потенциал эмоционального слоя художественного текста. Обычно эмоциональность в художественной речи выражается совокупностью языковых средств разных уровней. Представление

эмоций в языке позволяет репрезентировать то или иное эмоциональное состояние человека, что возможно рассматривать как реализацию эмоционального аспекта когнитивной доминанты – эмотивности, которая является средством создания эмоционального фона текста, обуславливающим определенное эмоциональное воздействие и на читателя.

Следуя концепции Л. Г. Бабенко о трех типах эмотивных смыслов, в тексте возможно выделение читательской, персонажной и авторской эмотивности. Читательская эмотивность достигается путем усиления экспрессивности синтаксических конструкций, повторов, риторических вопросов. Эмотивность персонажа реализуется, как правило, посредством прямого и косвенного описания эмоций героя, его внутреннего состояния с помощью первичных и вторичных языковых знаков. Авторская эмотивность проявляется в оценочной лексике, которая характеризует поступки героя, его внутренние переживания. Три типа эмотивных смыслов, безусловно, работают в триединстве, но, как правило, преобладающей является все же авторская эмотивность [1]. Кроме того, ярким приемом является повторение эмоциональной лексики в пределах одного семантического поля, что способствует ее накоплению и созданию дополнительного эмоционального смыслового фона всему тексту.

Таким образом, теоретический материал по теме «Выражение эмоционального состояния» достаточно обширный, поэтому желательно проведение отдельного спецкурса в аспекте обучения РКИ. Вследствие этого на занятиях «Практического курса русского языка» в иностранной аудитории при рассмотрении данной темы преподавателю следует, адаптировав теоретический материал, использовать примеры из оригинального русского художественного текста.

В качестве иллюстрации фрагмента практической части занятия в аудитории иностранных обучающихся по изучению темы «Выражение эмоционального состояния» предлагается краткое рассмотрение рассказа А. П. Чехова «Орден» в изучаемом аспекте [10].

Предварительно разобрав с иностранными обучающимися теоретические положения изучаемой темы (категории «эмоциональность», «оценочность»,

«эмотивность», понятия «текст», «подтекст», «эмотема» и др.), предполагается перейти непосредственно к разбору текста рассказа и выявлению экспрессивных маркеров эмоций, отражающих авторскую, читательскую и персонажную эмотивность.

Рассказ начинается с описания визита учителя военной прогимназии, коллежского регистратора Льва Пустякова к поручику Леденцову с целью попросить у последнего орден Станислава на время новогоднего обеда у купца Спичкина. Из первого монолога Пустякова мы узнаем, что купец Спичкин – *«подлец»*, что *«он страшно любит ордена и чуть ли не мерзавцами считает тех, у кого не болтается что-нибудь на шее или в петлице...»*, да к тому же у него две дочери. Судя по всему, все это для Пустякова немаловажно (а вдруг?!). Это сразу бросается в глаза, однако из этой же сцены мы можем понять, что поручик Леденцов, которого Пустяков считает своим другом, не такой уж и друг: Пустяков разговаривает *«с ним заикаясь, краснея и робко оглядываясь на дверь»*.

Таким образом, А. П. Чехов, описывая чувства главного героя посредством реализации специальных языковых единиц одной семантической группы, показывает его самую важную проблему – проблему собственной неуверенности, боязни не соответствовать, с одной стороны, и страстного желания быть на уровне, быть *«своим»* - с другой.

По мере развития сюжета маркеры эмоций буквально нанизываются на стержень-тему текста, тем самым подводя нас к кульминации: вот завладев вожделенным Станиславом, Пустяков, *«распахнувши чуточку шубу»* и побрякивая от удовольствия, едет к Спичкиным; вот он, *«самодовольно кашляя»*, позволяет извозчику заметить орден и с удовольствием следит за его реакцией; вот – *«выставил вперед грудь, поднял голову и, потирая руки»* входит в зал и – о, ужас! – полное изменение запланированного сценария – встречается с Трамбляном, коллегой по службе. Эта встреча обрушивает шквал эмоций на главного героя, все мысли, смятенные чувства буквально проносятся в его голове: если показать французу орден – значит *«вызвать массу самых неприятных вопросов..., осрамиться навеки, обесславиться...»*; может, сорвать орден, бежать назад; но он крепко пришит, и

отступление невозможно. Осознав безвыходность ситуации, Пустяков *«быстро прикрыв правой рукой орден, сгорбился, неловко отдал общий поклон и, никому не подавая руки, тяжело опустился на свободный стул, как раз против сослуживца-француза»*. Теперь ему совсем не до еды. С этой сцены начинается очередной эмоциональный спад: не зная, как вести себя в этой ситуации, главный герой с нетерпением ждет окончания обеда, все больше конфузясь. Душа его, проваливаясь все дальше в эмоциональную пустоту внутреннего одиночества, наполняется *«... щемящей тоской и злобствующей досадой»* на себя и окружающих. Таким образом, лингвистическая организация текста посредством экспрессивных маркеров оказывает на читателя определенное эмоциональное воздействие и способствует дальнейшему смысловому развитию текста.

Раскрывая имплицитный потенциал характера главного героя в сцене вынужденного обнаружения ордена, А. П. Чехов снова показывает, как *«великий ужас»* накатывает на Пустякова, он *«бледнеет», «опускает голову», «робко глядит в сторону француза»*, но вдруг видит и на его груди орден, *«целую Анну!»* Эмоции меняются прямо на противоположные, Пустяков *«смеется от удовольствия, садится на стул и разваливается... Теперь уже нет надобности скрывать Станислава! Оба грешны одним грехом, и некому, стало быть, доносить и бесславить...»*.

Именно сейчас для Пустякова наступает триумф: он уверенно ходит *«по всем комнатам»*, показывает *«барышням орден. На душе у него... легко, вольготно, хотя и пощипывает под ложечкой голод»*. Единственное, что его *«томучивает»*, как он не догадался *«нацепить Владимира»*. *«В остальном же он совершенно счастлив»*.

Выявление экспрессивных маркеров эмоций является одним из этапов формирования эмотивной компетенции иностранных обучающихся. Последующие задания могут предполагать включение упражнений для аудиторной работы с текстом, в частности, на выявление эмотивной лексики, заданий, направленных на эмотивное общение в форме коммуникативной игры, на обучение применению эмотивной лексики в подготовленной письменной речи и пр.

ВЫВОДЫ

Таким образом, изучение эмотивности на занятиях по русскому как иностранному с опорой на оригинальный русский художественный текст, в частности его аналитическое чтение, дает возможность не только обучать иностранных слушателей языку, но и способствует развитию у них эмотивной компетенции. Все это в итоге позволяет выстраивать модели взаимовосприятия наций.

Эксплицитно выраженная ведущая сюжетная линия художественного текста постоянно коррелирует с описанием внутреннего мира главного героя, раскрываемым посредством эмоциональных маркеров. Это позволяет перенести движение сюжета из внешнего во внутренний мир героя, репрезентируя эмоциональную языковую картину мира и понимая эмотивность как важную когнитивную составляющую текста. Все это, безусловно, требует дальнейшего исследования эмотивности в аспекте преподавания русского как иностранного на основе не только русских художественных текстов, но и живой разговорной речи.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке [Текст] / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1989. – 184 с.
2. Бабкина, А. Ю. Отражение семантических особенностей наименований чувств и эмоций человека в женской и мужской картинах мира [Текст] / А. Ю. Бабкина // В. А. Богородицкий : научное наследие и современное языковедение : тр. и матер. Междунар. науч. конф. (Казань, 4–7 мая 2007 г.). – Т. 1. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 210–215.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Рус. словари, 1997. – 410 с.
4. Жане, П. Психологическая эволюция личности [Текст] / П. Жане. – М. : Академический проект, 2010. – 399 с.

5. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства [Текст] / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург, 2001. – 752 с.
6. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] / Н. А. Красавский. – М. : Гнозис, 2008. – 374 с.
7. Новиков, Л. А. Семантика русского языка: учебное пособие / Л. А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.
8. Орехов, В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь : АнтикВА, 2006. – 608 с.
9. Пак, Е. В. Этимология концепта «гнев» в английском языке [Текст] / Е. В. Пак // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 215–218.
10. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений в 30 томах [Текст] / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1975. – Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883–1884. – С. 302–305.
11. Шаховский? В. И. Лингвистическая теория эмоций [Текст] / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
12. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М., 1973. – 274 с.
13. Яблокова, Т. Н. Выражение гнева и восторга в современном английском языке [Текст] : автореф. дис. канд. филол. наук : 10. 02. 04 / Т. Н. Яблокова. – М., 2006. – 23 с.

References

1. Babenko L. G. *Leksicheskie Sredstva Oboznacheniya Jemotsii v Russkom Yazyke* [Lexical Means of the Denotation of Emotions in the Russian Language]. Sverdlovsk: Izdatelstvo Uralskogo Universiteta, 1989. 184 p.
2. Babkina A. Yu. *Otrazhenie Semanticheskikh Osobennostei Naimenovanii Chuvstv i Jemotsii Cheloveka v Zhenskoi i Muzhskoi Kartinakh Mira* [Reflection of the Semantic Features of the Names of Human Feelings and Emotions in the Female and Male Pictures

- of the World]. Vol. 1. Kazan: Kazanskii Gosudarsvennyi Universitet Imeni V. I. Ulyanova-Lenina Publ, 2007, pp. 210–215.
3. Vezhbickaya A. *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkiye Slovarei Publ., 1997. 410 p.
 4. Zhane P. *Psihologicheskaya Jevolyutsiya Lichnosti* [Psychological Evolution of the Personality]. Moscow: Akademicheskii Projekt Publ., 2010. 399 p.
 5. Ilin Ye. P. *Jemotsii i Chuvstva* [Emotions and Feelings]. Saint Petersburg, 2001. 752 p.
 6. Krasavskii N. A. *Jemotsionalnye Koncepty v Nemetskoj i Russkoj Lingvokulturakh* [Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures]. Moscow: Gnozis Publ., 2008. 374 p.
 7. Novikov L. A. *Semantika Russkogo Yazyka: Uchebnoe Posobie* [Russian Semantics. The Textbook]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1982. 272 p.
 8. Orekhov V. V. *Russkaya Literatura i Natsionalnyi Imidzh (Imagologicheskii Diskurs v Russko-Frantsuzskom Literaturnom Dialoge)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue)]. Simferopol: AntikvA Publ., 2006. 608 p.
 9. Pak E. V. *Jetimologiya Kontsepta Gnev v Angliiskom Yazyke* [Etymology of the Concept of Fear in English]. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Imeni A. I. Gertsena*, 2009, no 96, pp. 215–218.
 10. Chekhov A. P. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 30 Tomakh* [Collected Works in 30 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 302–305.
 11. Shakhovskii V. I. *Lingvisticheskaya Teoriya Jemotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow: Gnozis Publ., 2008. 416 p.
 12. Shmelev D. N. *Problemy Semanticheskogo Analiza Leksiki* [Problems of the Semantic Analysis of the Lexis]. Moscow, 1973. 274 p.
 13. Yablokova T. N. *Vyrazhenye Gneva i Vostorga v Sovremennom Angliiskom Yazyke: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Expressions of Anger and Delight in Modern English. Abstract of Thesis]. Moscow, 2006. 23 p.

**STUDYING EMOTIVENESS IN THE ASPECT OF
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Drozдова S. A.

The article deals with some issues of the emotions' expression in the language, discusses the problems of the relationship of verbal and non-verbal activities, emotions, language and thinking in the process of teaching Russian as a foreign language.

The necessity of artistic texts' careful selection for studying in a foreign audience, the study of the emotional characteristics of the author and the heroes of an art's work are substantiated, which are reflected in the formation of pretext, text and posttext assignments for foreign students. All this ultimately allows building a model of mutual nations' perception, which actually is one of the goals of studying any foreign language. Emotions as a regulator of human behavior and activity are represented in the language, thereby forming the so-called emotional linguistic picture of the world, which is only part of the conceptual emotional picture of the world. The process of emotional information evaluating associated with human mental activity is directly implemented through the identification of emotions' expressive markers reflecting the author's, reader's and character emotiveness. The article proposes the emotionality's consideration as a cognitive component of a literary text based on the material of the story Order by A.P. Chekhov

Keywords: emotional overlays, expressive markers of emotions, emotiveness, verbal / non-verbal expression, emotional concept-sphere.